

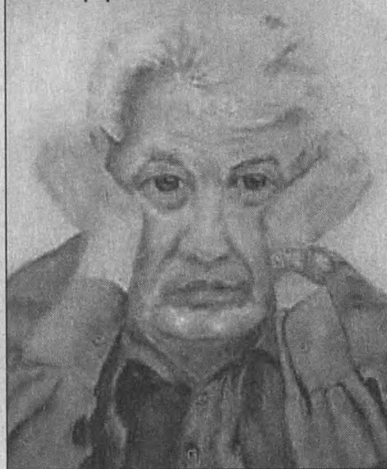
Владимир Войнович, по его признанию, живет на три дома: мюнхенский, московский и "воздушный" — то есть в самолетах. В 80-м эмигрировавшему писателю дали германское гражданство. Горбачев вернул ему "обратно" советское. С тех пор Владимир Николаевич разрывается между двумя странами... Иностранцы корреспонденты по сей день задают Войновичу вопрос: "Какова ваша роль в развале СССР?" Считается, что своими произведениями он "раскачивал" Союз не хуже, чем буржуазная пресса с ее цифрами и фактами. Однако, оказавшись на Западе, "неблагодарный" писатель обрушил свою сатиру на гостеприимных немцев, а вернувшись домой, принял расписывать пороки ельцинского строя. Очевидно, опасаясь, чтобы не тронули и его, Путин недавно вручил Войновичу Государственную премию за новый роман "Монументальная пропаганда"...

Когда же под рукой у Владимира Николаевича не находится объекта, хоть мало-мальски достойного высмеивания, он обрушивается на самого себя. Московская квартира писателя завешана автопортретами. Правой ноги художника, левой ноги художника (с красной мозолистой пяткой), головы художника...

ГЕНАДИЙ АБРАМЕНКО

АДМИРАЛЬСКАЯ КОСТОЧКА

Автопортрет.

"Встреча поколений": Войнович, Пушкин и Гоголь.

Владимир ВОЙНОВИЧ:
"Мой предок был женат на принцессе"

"Войнович умеет поспорить с любой властью только за то, что она — власть". Вы что же, анархист?

— Кто-то высказывался, что вот, мол, "антигосударственник получил государственную премию". На самом деле я не анархист и выступаю не против госинституте — они необходимы для устройства жизни людей, но я за то, чтобы президент хвалили не из-за страха или желания выслужиться, а по любви. К ссоре с властью я специально не стремлюсь, но она злопамятна. Ее пороки — ханжество, ложь, лицемерие и безнравственность — мной беспощадно высмеиваются. Если по-серьезному говорить, то вот вам маленький пример. У нас любят повторять "Никто не забыт, ничто не забыто". Вранье! Я недавно был в Польше. Когда я служил в армии, у меня там товарищ погиб в 1963 году, и вот почти через сорок лет я пошел искать его могилу. На кладбище отведен уголок под могилы советских солдат. Я долго искал своего друга, но так и не нашел. Все могилы с обелисками и звездочками были с надписями "неизвестный солдат". Всех, кто погиб здесь в 50-е, 60-е, 70-е годы... Почему неизвестный? Не война ведь... Просто всем начальникам было наплевать, похоронили и забыли, кого похоронили.

— Почему вы часто говорите, что Россия — бедная страна? Ведь одной нефти у нас сколько!

— С этой песней "Я верю, друзья" у меня особые отношения. Я служил в авиации. Космонавтика — это продолжение авиации. Я не ура-патристические чувства в нее вложил, а собственные переживания. И хотя эта песня даже считается, правда, неофициально, гимном космонавтов, я вообще не склонен к одописанию или сочинению гимнов. Я сатирик, а сатирик словно врач-диагностик — не должен припудривать язвы на больном теле, а выявлять их.

— Вот вопрос, который хотелось бы задать всем писателям, которые боролись с "гидрой коммунизма": то, что сейчас построено, — это ли было предметом ваших мечтаний?

— Я не политический борец, я боролся не столько с коммунизмом, сколько за сохранение себя самого. Один критик про мою первую повесть написал: "Войнович придерживается чуждой нам поэтики изображения жизни как она есть". То есть мне хотелось описывать жизнь, какой я ее вижу, а советская власть мне не давала, и я говорил, что она мне не нравится, но я не ставил перед собой задачи совершить демократическую революцию.

— В своем романе "Монументальная пропаганда" вы критикуете коммунистов, но секре-

таря райкома сменяет бандит... Неужели это лучше?

— Конечно, не лучше, но какой же у нас выбор? Тут надо оговориться. Советская власть рухнула, и мы бросились строить демократическую Россию. Но постепенно стало ясно, что новая история тоже развивается неблагоприятно. И я думаю, как сатирик, что сравнивать это наступившее время с периодом советской власти вовсе необязательно. Новая действительность, безотносительно к советскому прошлому, обладает всеми признаками идиотизма. Я часто думаю, что Ильф и Петров сейчас очень бы пригодились...

— Говорят, что у вашей воинственности — семейные корни. Да и фамилия у вас "говорящая"...

— Мой род происходит от человека по имени Воин. Первое упоминание о нем в сербских летописях датировано 1325 годом. И вот с этого Воина я знаю всех своих предков вплоть до себя. Я — его шестнадцатый потомок. Этот самый Воин был князь, воевода, владел огромными землями и был женат на дочери короля. Вообще, в нашем роду было очень много военных. Часть Войновичей поселилась в Черногории и стала потомственными моряками. Они нанимались на службу к разным государям. Один Войнович был венецианским дожем, другой — австрийским генералом, даже в "Швейке" упоминается. Мой прапрадед Спиридон владел собственным флотом в Адриатическом море. А его шестеро детей, которым он завещал по кораблю, в конце XIX века приняли российское подданство.

— Адмирал Войнович, что служил еще Екатерине Великой и, согласно советской историографии, прославился своей, мягко говоря, нерешительностью, — тоже ваш предок?

— Знаете, почему ему выдумали такую легенду? Дело в том, что в конце 40-х наши доблестные органы боролись с космополитизмом и всех иностранцев, служивших в России еще при царях, пытались вычеркнуть из истории. Об адмирале Войновиче говорились всякие гадости — дескать, он чуть не угробил русскую эскадру в устье Дуная, и если бы не подоспевший вовремя Ушаков... И так далее.

И только сейчас, в том числе благодаря моим усилиям, справедливость восторжествовала. Потому как адмирал Марко Войнович, напротив, отличался своей храбростью, о чем отмечено в указе императрицы Екатерины Алексеевны, которым она назначала его командиром линкора "Слава Екатерины" и первым главнокомандующим Черноморским флотом. Тут недавно юбилей Черноморского флота отмечался, так я вообще был удивлен, что какой-то Клокачев был первым черноморским флотоводцем... Ничего подобного, Войнович был первым!

Беседовал Алексей ЗВЕРЕВ.

Правда ли, что вы решили переквалифицироваться из писателей в художники?

— Слухи преувеличены, но я действительно рисую. Странно — в детстве это у меня плохо получалось. А семь лет назад подарили моей жене натюрморт на день рождения. Она его повесила в нашем мюнхенском доме. Мне эта картина не нравилась, и как-то делать было нечего — я ее снял и стал подкрашивать фон ученическими красками. Смотрю — заиграла! Я тогда попробовал что-то свое нарисовать. И тоже, видимо, скоро бы перестал, но зашел ко мне в гости корреспондент венского журнала "Бизнес-ланч", сфотографировал одну мою картинку и напечатал. Это меня раззадорило. Поскольку картины надо сушить, я их прибивал к стене. Все приятели, которые ко мне приходили и их видели, были потрясены, потому что никто раньше этой моей склонности не замечал...

— Вы любите высмеивать других, но и над вами не раз смеялись — Сергей Довлатов, например... Помните, он писал, как вы в Америке зашли сделать ксерокс, а копировщик спрашивает: "Ван оф ич?" ("каждую по одной?"), а вы говорите жене: "Ирка! Он спросил: "Войнович?" Вот она, популярность!" Это правда было?

— Было, я про это Довлатову сам рассказал. Вообще у меня с фамилией было много смешных изюбов... Я только напечатал первую повесть и пошел сдавать экзамен на права. В 61-м году это было. Подготовился, сдавал хорошо, и майор, принимавший экзамен, взял мою карточку, благожелательно так посмотрел: "Войнович? — говорит. — Да, писатель есть такой..." Я подумал: надо же, как быстро слава приходит! Только повесть напечатал — уже майор знает. А он продолжает: "Да, хороший писатель. "Овод" написал..." И вот теперь, когда кто-то совсем не понимает в литературе, мои друзья говорят: "Он не отличает Войнич от Войновича"...

— Владимир Николаевич, вам не кажется, что герой вашего романа "Москва-2042" Лешка Букашов похож на Путина?

— Да, отчасти. Мой герой все время носится по городам и странам, говорит по-немецки, служит в госбезопасности, а потом через много лет становится главой государства. Только вот с левой рукой угадал...

— Признайтесь, вам было откровение...

— Просто когда я писал роман — это было в начале восьмидесятых, — то пытался представить, как могут дальше развиваться события в СССР. Там, например, у меня слились вместе партия и церковь. Критики мне говорили, что это несомненно. Но я видел эту тенденцию! Церковь — заметная сила в обществе, и партия давно это поняла. То, что в будущем страну возглавит кагэбэшник, нетрудно было угадать, а то, что по-немецки он говорит... Ну, я жил в Германии, мне это само собой пришло в голову...

— После получения Госпремии вы произнесли кратенькую речь, в которой пообещали и впредь высмеивать людские пороки, невзирая на должности. Значит, правду говорят критики: